

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ПРЕМЬЕРА

Жив ли бог?

В «Сцене-Молот» состоялась премьера «Пермских богов» Дмитрия Волкострелова

Юлия Баталина

Удивительно, но скромнейший, интеллигентнейший,тишайший спектакль «Пермские боги» на малой сцене Театра-Театра вызвал страстную зрительскую полемику в соцсетях. Причина, думается, в том, что спектакль — совершенно не то, чего ждёшь от зрелица с таким названием.

Весь смысл «Пермских богов», поставленных в «Сцене-Молот» Дмитрием Волкостреловым, укладывается в первых и последних словах, произносимых со сцены, — в стихотворении Иосифа Бродского «В деревне бог живёт не по углам...» и фразе из анонимного интервью: «А боги меня, в общем-то, не волнуют».

Действительно, волнует автора спектакля не сама по себе пермская деревянная скульптура, а то, где живёт бог в деревне. Это очень личное, очень прочувствоанное путешествие в поисках духовной родины, тонкое исследование уходящей реальности — той, откуда родом пермские деревянные боги и, между прочим, предки Дмитрия Волкострелова, мама которого родом из деревни в Осинском районе.

Герои спектакля — просто люди. Просто жители средней прикамской деревни. Жанр того, что происходит на сцене, можно обозначить как «Времена года»: живописные циклы с таким названием в эпоху Возрождения посвящались крестьянскому труду и сезонным работам, и действие «Пермских богов» тоже об этом — о повседневной жизни деревенского жителя зимой, весной, летом и осенью. Рыбалки, сенокосы, заготовки солений на зиму, лепка пельменей, неспешное чаепитие, вязка носков... У Вивальди «Времена года» начинаются весной и кончаются осенью, но у нас — другие широты, здесь круговорот начинается зимой и зимой же завершается.

Реальность, к которой обращается Волкострелов, — вовсе не этнографическая. Это деревня с цинковыми вёдрами, ситечками для чая и сияющими новыми галошами. Это, может быть, вовсе и не деревня, а деревянный город — помните, у Городницкого? «А я иду по деревянным городам, где мостовые скрипят, как половицы...» Деревянный город — такой была Пермь совсем недавно, лет 50 назад. Я сама в то время жила в деревянном доме в микрорайоне с символичным названием Новая деревня, и мои родители и бабушка с дедом воду носили на коромысле из колонки, капусту на пирожки и мясо на пельмени рубили в деревянном корыте сечкой, а репчатый лук на зиму подвешивали в чул-

ке. Сечка с корытом и чулки с луком, как и многие другие приметы прикамского деревенского быта, сохранились и позже, когда мы переехали в хрущёвку.

Извините за лирическое отступление, но Дмитрий Волкострелов обращается именно к этому — к пермскости каждого из нас, к личному зрительскому опыту пермской жизни, и, если опыт этот достаточно осмыслен и отрефлексирован, на спектакль невозможно не откликнуться эмоционально. Именно поэтому многие зрители начинают искать в действии этнографические неточности и горячо упрекать в них автора: и лыжи-то охотничьи не тем подбиты, и яблоки-то на полатях не хранят, и литовку не так правят... Возмущённая реакция на ошибки в деталях — верный признак того, что задело за живое.

Между тем самое поразительное качество «Пермских богов» — это правдивость, дотошная, почти маниакальная документальность. Тексты, которые произносятся со сцены, — это записи в книге отзывов Пермской художественной галереи и фрагменты из импровизированных интервью со случайными людьми, которые записывали актёры, занятые в постановке, — Екатерина Вожакова, Кристина Мударисова, Екатерина Мудрага, Мария Букин, Алексей Каракулов и Дмитрий Курочкин. Актёры, ставшие благодаря этой работе соавторами спектакля, расспрашивали знакомых и незнакомых о жизни в Перми и получали рассказы о задержке зарплат на заводе, о трудностях перемещения по холмам и оврагам зимой, о пьянстве соседей — о чём угодно.

Ещё в спектакле много стихов — не каких-то эксклюзивных, редких, а, напротив, очень известных — Пастернака, Бродского, Тарковского... В контексте «Пермских богов» они звучат не как

красивые тексты для декламации, а просто как чистый, оголённый смысл:

Он отказался без противоречия,
Как от вещей, полученных взаймы,
От всемогущества и чудотворства
И был теперь, как смертные, как мы.

То, что деревянные боги из коллекции Пермской художественной галереи удивительно похожи на прикамских крестьян, замечают все, все об этом говорят, но Волкострелов нашёл очень верные слова — и, что особо примечательно, ни одного слова не выдумал!

Тексты произносятся одновременно: один артист читает отзывы зрителей галереи, другой в то же самое время — стихи, а третий — фрагменты интервью. Получается звуковой микс, который поначалу очень некомфортно слушать и трудно воспринимать, но постепенно понимаешь, что речь артистов идеально выверена по громкости и тщательно отредактирована, так что главные слова и фразы вполне слышны. Остальное сливается в разговорный фон — совсем как в жизни.

Материальная среда спектакля тоже строго документальная, невыдуманная: художник-постановщик Ксения Пере-трухина всю сценографию построила на объектах реди-мейд. Она — выдающийся мастер такого подхода, в чём могли убедиться, например, зрители оперы Монтеверди «Орфей» в постановке Георгия Исаакяна в Детском музыкальном театре им. Наталии Сац: там художница погрузила действие в среду 1970-х годов. Здесь же — подлинные предметы быта прикамских деревень, в которых этнографические прялки, сундуки и резные наличники действительно прекрасно уживаются с новенькими цинковыми тазиками и эмалированными чайниками.

На протяжении всего спектакля актёры перемещаются строго по половицам,

не ступая за их пределы. Правильно! Это ведь тротуар — в прикамских деревнях, как в песне Городницкого, они действительно до сих пор деревянные и скрипят, как половицы. Не стоит ступать за их пределы — там грязь.

Звуковой ряд (композитор — Дмитрий Власик) тоже вписывается в концепцию «невыдуманной реальности»: он состоит из криков птиц, шума ветра, позывания металла, постукивания дерева... Может, это калитка приоткрылась и брякает, а может, форточка?

При всём том никак не упрекнёшь Дмитрия Волкострелова с соавторами в том, что их спектакль слишком жизнеподобен, потому что он весь — иносказание, почти притча, а всё, что видно на сцене и слышно со сцены, очень красиво, эстетизированно и стильно. Это, конечно, парадокс: ничего выдуманного, ничего специально сделанного, будто-форского, и в то же время столько красивы, сколько в жизни никогда не бывает!

В том-то и суть, что Волкострелов говорит не о жизни как таковой, а о красоте этой жизни, невидимой невооружённым глазом. Зрительский глаз вооружён: он смотрит через лупу искусства и где-то там, между старыми деревянными половицами, чугунками с картошкой и стремянками, ведущими на полати, видит пермских богов.

Потому что «в деревне бог живёт не по углам», где висят иконы.

В деревне он — в избытке. В чугуне он варит по субботам чечевицу, приплясывает сонно на огне, подмигивает мне, как очевидцу...

При таком подходе к теме пермских богов и богов вообще фото Валерия Заровнянных с изображениями предметов пермской деревянной скульптуры, украшающие стены «Сцены-Молот», совсем не обязательны; но сами по себе они, конечно, прекрасны.